

Перевод с английского

21 мая 2020 г.

Исх. № 13/20-2105

**Министру здравоохранения
Кыргызской Республики
С.Абдикаримову**

Уважаемый Сабиржан Токтосунович!

От имени Human Rights Watch свидетельствую Вам свое уважение.

Как Вам известно, Human Rights Watch — это независимая международная организация, которая отслеживает ситуацию с правами человека более чем в 90 странах мира. Мы не получаем финансирования из правительственных источников. Наша организация имеет опыт и проводила исследования ситуации с правами людей с инвалидностью в десятках стран по всему миру.

С октября 2019 г. по март 2020 г., мы провели в Кыргызстане более 120 интервью в рамках нашего исследования, в частности касательно прав детей с инвалидностью в государственных психоневрологических учреждениях и спецшколах-интернатах. В ходе проводимых интервью выяснилось, что многим детям с инвалидностью, находящимся в психоневрологических учреждениях и спецшколах-интернатах, нередко назначаются антипсихотические препараты и седативы, такие как аминазин, азалептол и фенобарбитал.

Из наших интервью с персоналом детских психоневрологических интернатов (ПНИ) следует, что эти препараты назначаются не столько по конкретным терапевтическим показаниям, сколько для медикаментозной коррекции поведения, которое персонал считает проблемным. Мы весьма обеспокоены тем, что, как представляется, при этом не обеспечивается соблюдение важных

процедур получения согласия на медикаментозное вмешательство: при наличии у ребенка родителя или опекуна их не информируют регулярно и всесторонне об использовании таких препаратов, об ожидаемом терапевтическом эффекте, потенциальных побочных эффектах и об альтернативных вариантах лечения. Нам не удалось установить, обеспечиваются ли информирование самих детей или консультации с ними.

В большинстве спецшкол-интернатов, как выяснилось, нет медработников, которые могли бы давать такого рода препараты на месте. Однако, это делается в психиатрических больницах, куда нередко в качестве дисциплинарного наказания отправляют детей, чье поведение персонал считает проблемным. В таких ситуациях также неясно, насколько полно и всесторонне обеспечивается информирование родителей, в то время как при отсутствии родителей согласие на лечение подписывает директор интерната.

В свете вышеизложенного и в целях конструктивного диалога, любезно просим Вас разъяснить порядок назначения вышеуказанных препаратов детям с инвалидностью в государственных психоневрологических учреждениях и спецшколах-интернатах. С тем чтобы мы могли должным образом отразить позицию и информацию Министерства в итоговом докладе, который мы планируем опубликовать осенью текущего года, мы были бы весьма признательны получить ответы на вопросы приведенные ниже **не позднее 15 июня 2020 г.**

1. Какими клиническими рекомендациями, руководящими принципами или протоколами регламентируется назначение детям психотропных препаратов? Может ли Human Rights Watch получить копии соответствующих документов.
2. Какие существуют процедуры для обеспечения того, чтобы дети с инвалидностью получали психотропные препараты, сертифицированные и одобренные в Кыргызстане для детского применения? Существует ли перечень таких препаратов? Если да, может ли Human Rights Watch получить копию перечня?

3. Какими законами и нормативными положениями регламентируется назначение детям с инвалидностью психотропных препаратов для целей медикаментозной коррекции поведения?
4. Какие меры приняты для обеспечения того, чтобы медицинские услуги, включая назначение детям психотропных препаратов, оказывались на основе свободного и информированного согласия пациента, в том числе ребенка или лица, признанного недееспособным?
5. Какую подготовку проходят работники системы здравоохранения в области неинвазивных средств коррекции поведения ребенка?
6. Какую роль играет Министерство здравоохранения в надзоре за назначением препаратов, включая психотропные, в детских ПНИ? Проводятся ли министерством регулярный мониторинг или проверки работы медперсонала и медицинской части в таких учреждениях?
7. Существует ли механизм контроля, который ограждал бы детей с инвалидностью от принудительной медикаментозной коррекции поведения?
8. Кто дает согласие на психиатрическое лечение ребенка, находящегося на попечении государства, например в спецшколе-интернате? Существует ли какой-либо механизм, регламентирующий эту процедуру?

Благодарим Вас за внимание к настоящему письму и надеемся на получение ответов, которые Вы можете направлять моим коллегам Лоре Миллз (millsl@hrw.org, +1-917-836-9883) и Айчурек Курманбековой (+996 555991023). Любые вопросы, связанные с содержанием данного письма, Вы также можете им адресовать.

С уважением,

Хью Уильямсон
исполнительный директор
Отделения Human Rights Watch
по Европе и Центральной Азии